

И. Я. НОСКОВА

ТРАДИЦИОННЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СТИЛЕ БЫЛИН

Известны высказывания общего характера о том, что индивидуальность сказителя выражается традиционными средствами, что традиционное и индивидуальное находятся в диалектической связи.¹ Мы попытаемся рассмотреть это положение на конкретном анализе малого повтора в былинах разных сказителей. Для этого представляется необходимым предварительно учесть формы и функции малого повтора в их общем виде.

Малый повтор реализуется в пределах одной-двух строк. В статье рассматриваются лишь наиболее употребительные формы малого повтора и основные их свойства. Формы малого повтора весьма разнообразны — от повтора одного или нескольких звуков до повтора целой строки.

В строках

Как пораньше он поутрушку повыстанет

(№ 152)²

и

Королевна душка красна девушка Аннушка
Во любви держит меня у сердечушка

(№ 97)

повторением сочетаний *по* и *ушк* сказители добиваются определенного звукового эффекта. Б. М. Соколов, а вслед за ним П. Г. Богатырев отмечают в качестве характерного явления повтор сочетания звуков в определяемом слове и постоянном эпитете, например в таких словах, как «белая березка», «пиво пьяное», «таково слово», «камочка заморская».³ Звуковой повтор, по мнению Б. М. Соколова, в какой-то мере объясняет постоянное соседство этих слов.

¹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1938, стр. 239; Русское народное поэтическое творчество. Под ред. П. Г. Богатырева. М., 1956, стр. 352.

² В статье все примеры из былин взяты из сборника: А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, тт. I—III. М.—Л., 1949—1951. Номер в скобках, указываемый при цитации, соответствует номеру былины в этом издании.

³ Б. М. Соколов. Экскурсы в область поэтики русского фольклора. Художественный фольклор. М., 1926, стр. 37—38; П. Г. Богатырев. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов. В кн.: IV Международный съезд славистов. М., 1959, стр. 8. В отличие от Б. М. Соколова П. Г. Богатырев рассматривает это явление на более широком материале — в эпосе русских, украинцев, болгар и сербохорватов.

Как средство звуковой изобразительности воспринимается в былине рифма. Обычно рифмуются слова, принадлежащие одной части речи. Преимущественно рифмуются глаголы:

А он клал седёлышко черкасское,
Да которое седёлышко было да изукрашено,
Дорогима-то шелками пообшивано,
Да й червонным золотом оббивано.

(№ 80)

У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.

(№ 75)

Обычная рифма скрепляет стих, отделяет одну строку от другой, при этом акцентируя значение рифмующихся слов. Звуковое совпадение окончаний слов внутри строки имеет несколько иной звуковой эффект, более сильный, чем при обычной рифме. Внутренняя рифма преследует цель усиления звучания рифмующихся слов («Перегримищо да тут могучий Иванищо»), но чаще употребляется для того, чтобы расчленить мысль внутри одной строки: «За вершину брал — с комля сок бежал»; «А й тогда ты хоть вдовой живи, а хоть замуж поди»; «Али ты идти не хошь, али ты нести не мошь?»; «Не с чести возьмешь, уж мне-ка бок набьешь».

В качестве звукового повтора в начале строки часто употребляется эмфатическая частица, которая служит не только для создания звукового эффекта, но и является скрепкой строки, отделяя музыкальные фразы в напеве и одну часть мысли (образа) от другой в тексте.

В былинах нередко встречаем повторяющийся предлог при однородных членах («За лесушки за темные, за моря за широкие») и чаще в различных вариантах синтаксической конструкции, где обязательными компонентами являются определяемое слово и определение («Ен повез его по славну по чисту полю; А й с-под западней с-под сторонушки»). Основные функции этого стилистического приема сводятся к усилению значения каждого слова, перед которым стоит повторяющийся предлог, выделению в общем той синтагмы, в которой он употреблен. А. П. Евгеньева правильно заметила, что повтор предлога в былинах сборников П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга отражает особенности северных говоров, но вряд ли можно принять ее мнение, будто лишь этим обусловлено употребление предлогов и что никакой стилистической нагрузки они не несут.⁴ Напротив, повторяющийся предлог достаточно прочно входит в поэтический арсенал северной былины XIX в.

В былинах сказителей, слабо владеющих эпической былинной традицией, повторяющийся предлог встречается гораздо реже, чем у других сказителей. Так, в былинах кижских сказителей А. В. Сарафанова, И. А. Касьянова, Н. Ф. Дутикова в среднем насчитывается гораздо меньше случаев употребления повтора предлога, чем у Т. Г. Рябинина, Т. Иевлева, А. Е. Чукова, С. Корнилова, В. П. Щеголенка и др. Это свидетельствует о существовавшей в то время разнице в употреблении предлога в былинной речи и в разговорной; в былинном языке оно культивировалось.

⁴ А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М., 1963, стр. 52.

Почти обязательное повторение предлога там, где сказитель явно хочет обратить особое внимание слушателя на данный предмет, можно отметить в следующих случаях.

1. В конструкции, состоящей из определения-местоимения⁵ + определяемого слова-существительного + определения-прилагательного или определения-существительного. Определение, указательное местоимение перед определяемым словом и прилагательное или существительное после определяемого слова позволяют сказителю выделить данный предмет и его признак:

Со того двора с королевского.

(№ 94)

Ко той ко церкви соборная.

(№ 94)

У того креста у Левонидова.

(№ 74)

2. В конструкции, вторая часть которой является распространенным приложением или представляет собой распространенный повтор первой части:

Да не ходи за смелаго Алешу за Поповича,
За того ль за девочьяго насмешника
И за моего названого за меньшаго за брата.

(№ 118)

И там сидит Маринка со татаринном,
И со татаринном да со поганыим.

(№ 122)

3. При изображении предмета путем постепенного сужения картины описания, с помощью чего осуществляется особая концентрация внимания на изображаемом предмете:

Да й ведите-тко в рехтели в королевский,
Да й во славныи в полаты белокаменны,
Да й садите их за столики дубовыи,
Да й за тые за скамеечки окольные.

(№ 86)

Да спусти меня съездить по городу,
Да по городу да по Киеву,
Да по зтым по узким переулочкам.

(№ 122)

Частое употребление повторяющегося предлога в таких конструкциях, служащих выделению изображаемого предмета, позволяет сказать, что повтор предлога выполняет функцию усиления значения слова, перед которым употребляется.

Нетрудно заметить и другую особенность в употреблении повторяющегося предлога, которая несомненно относится к области стилистики: нередко повторяющийся предлог в одной синтаксической единице влечет

⁵ Как правило, это указательное местоимение «тот (та, то, те)».

за собой повтор в другой, рядом стоящей. Это явление можно рассматривать как стремление к симметрии, к подобию во внешнем оформлении мысли; оно представляет собой своеобразное звуковое украшение:

Святогор-богатырь на Святых на горах,
А Илья да Самсон у синяго у моря,
Добрынюшка Микитич во чистых во полях.

(№ 66)

Поворотился ён со ринги с княженецкой,
Повел ю во свои покои во любимыи.

(№ 100)

Особенно часто это наблюдается при синтаксическом параллелизме:

А буду стоять за церкви за господнии,
А буду стоять за князя за Владимира.

(№ 75)

Они в день едут по красному по солнышку,
Они в ночь едут по светлому по месяцу.

(№ 83)

Думается, что отмеченные выше особенности в использовании повтора предлога дают право считать его стилистическим средством языка былинны.

В особую группу повтора выделяются тавтологические слова. Тавтология может быть в виде сочетания слов или сложного слова, в котором дважды или более раз повторяется один и тот же корень. Например: супротив себя да супротивника; обеда не обедевал; гром громит; малым-мало; близко-поблизку; кличет-выкликает. Тавтология остро воспринимается сказителями как средство художественной изобразительности, и, по наблюдениям А. П. Евгеньевой,⁶ в языке былин мы можем встретить такие тавтологические сочетания, которые не бытовали вне языка устной народной поэзии, например «кудри кудрились», «чудо счудилосе». Для этого вида повтора характерны три функции: функция усиления значения слова, находящегося в тавтологическом повторе, функция полноты выражения свойств предмета или действия в их наиболее типическом виде и функция звукового повтора. Однако в одних сочетаниях на первом плане находится функция усиления значения повторяющегося слова, например: сидя сидит, плывом плыла; в других основная функция — выражение предмета или явления в его общем типическом виде: дождь дождит, думу думает, игру играть; в третьих сочетаниях мы остро ощущаем присутствие звукового повтора, особенно в случаях многократного повторения тавтологических слов:

А й как у мя Добрынюшка был отпушен белым бело,
Как белым белой да белёшенёк,
А й как белёшенёк, румянёшенёк.

(№ 210)

В этом повторении вместе со стремлением усилить значение слова «белой» сказитель безусловно еще играет и звуком.

⁶ А. П. Евгеньева. Очерки по языку..., стр. 133.

В строках

А тут Михайлушка ступень ступил — не достигил,
А другой как ступил, сам призаступил

(№ 52)

тавтологическое сочетание «ступень ступил» выражает не только действие в его общем типическом проявлении, но принимает участие вкупе со словами «достигил», «ступил», «призаступил» в создании звукового повтора как стилистического приема. Таким образом, тавтология имеет несколько видов словосочетания, в которых может преобладать та или иная функция, из числа трех ее постоянных функций. Кроме того, бóльшая или меньшая значимость той или иной функции зависит от того, в каком контексте тавтология употребляется.⁷

В двух и более строках мы часто можем встретить повторяющиеся одно или несколько слов (обычно не больше двух). Они могут располагаться в виде анафоры:

Унесла она у князя у Владимира,
Унесла-то племничку любимую,

(№ 79)

или в виде эпифоры (этот вид повтора встречается реже, чем анафора, и в несколько специфическом виде: повторяющиеся слова в каждой строке вступают в разные синтаксические связи, поэтому стоят в разных грамматических формах; такое повторение в конце строки можно назвать лексической эпифорой):

Повели Илью по чисту полю,
А ко тым полаткам полотняным,
Приводили ко полатке полотняной,
Привели его к собаке царю Калину,
Становили супротив собаки царя Калина.

(№ 75)

Повторяющиеся слово или слова могут также располагаться в середине строки:

То приехал-то Добрыня в стольный Киев-град,
Да на свой Добрыня на широкий двор,
Да сходил Добрынюшка с добра коня.

(№ 79)

Нередко мы сталкиваемся с грамматической анафорой и эпифорой. Как правило, их образуют глаголы:

Я не ездил бы, Добрыня, по чисту полю,
Я не убивал, Добрыня, неповинных душ,
Не пролил бы крови я напрасная,
Не слезил, Добрыня, отцей-матерей.

(№ 149)

⁷ А. П. Евгеньева в указанной работе придерживается иного мнения. Рассматривая виды тавтологических сочетаний вне текста, только как грамматические конструкции, она склонна считать, что каждый вид тавтологического сочетания имеет одну постоянную функцию, определенную грамматической формой, и присутствие этой функции исключает другие.

То все травушки-муравы улетаются,
 Все лазуревы цветочки отсыпаются,
 Темны лесушки к земли вси приклоняются.

(№ 74)

Перечисленные виды повтора в нескольких строках выполняют функцию усиления значения повторяемого слова. Вместе с этим повтор слова (или слов) одновременно подчеркивает смысловую общность всех строк, на которые он распространяется. Эта функция становится главенствующей, когда в качестве повторения употребляется слово, находящееся в тесной грамматической связи с другим словом (или словами) строки и составляет с ним единое смысловое целое. В строках

Стоит-то там шатер белополотняный,
 Стоит там шатер еще смáхнется,
 Стоит шатер там еще размахнется,
 Стоит шатер еще ведь уж со́йдется,
 Стоит шатер там еще разойдется

(№ 52)

с помощью повторения слова «стоит» не столько выделяется факт присутствия в поле шатра, сколько то, что с ним происходит (полотнища его сходятся и расходятся от дыхания спящего в нем богатыря). В строках

Стал он стрелочек, Добрынюшка, накладывать,
 Стал тетивочек Добрынюшка натягивать,
 Стал тугой лук разрывчатый полапывать

(№ 80)

повторение слова «стал» обращает наше внимание на последовательность связанных друг с другом действий и способствует восприятию этих строк как одного целого в смысловом отношении.

Повтор одного слова в нескольких строках часто обусловлен тем, что это слово имеет при себе в качестве зависимых слов несколько разных членов предложения или ряд однородных членов. Однократное употребление в данном случае слова, управляющего синтаксическими связями, было бы заглушено зависимыми словами, восприятие хода мысли на слух затруднилось бы. Поэтому мы очень часто наблюдаем следующее: мысль или часть мысли, выраженная в литературной речи распространенным предложением или синтагмой с несколькими связями, в былине представлена в виде нескольких предложений или нескольких синтагм упрощенной конструкции с повторением одного и того же слова, управляющего синтаксическими связями. Это позволяет в каждый момент изложения одной мысли иметь в виду само действие или предмет описания и вместе с этим придать особую значимость каждой синтаксической связи его. Например:

Увезли у тебя братца они родного,
 Увезли-то ёны малым робёночком,
 Увезли его татары-ты поганьи!

(№ 87)

Здесь слово «увезли» имеет три основные синтаксические связи (кого увезли, в каком состоянии увезли, кто увез); каждая связь выражена особой строкой с повторением главного слова связи, в результате чего значение каждой связи усилено; и одновременно с этим слово «увезли» сохраняет свое господствующее положение в восприятии этого отрывка былины на слух.

Другим видом повтора в пределах двух строк является подхват, или, как иначе его называют, стык: повтор второй части первой строки в виде первой части второй строки. Например:

Остается у Добрыни молода жена,
Молода жена, любима семья.

(№ 80)

Часто происходит перестановка слов в повторяемой части, и на стыке повтора оказываются два одинаковых слова, в начале и в конце соседних строк.

В подхвате эффект выделения значения повторяемого слова особенно силен, когда вторая строка представляет собой сочетание синонимов; в результате получается комбинация двух видов повтора:

А в Царигради да не по-старому,
Не по-старому да не по-прежнему.

(№ 196)

А й накинъ-ко ту ведь слѹжобку великую,
Да велику слѹжобку немалую.

(№ 79)

Если подряд идет несколько повторов в виде подхвата, они образуют своеобразную «цепочку». Роль цепочкообразного подхвата как средства художественной изобразительности не сводится только к усилению значения повторяемого слова. Здесь остро ощущается использование самой формы повтора как момента, украшающего повествование былины, создающего причудливый словесный рисунок:

Сидела она, видно, день с утра,
День с утра она до вечера,
А от вечера как до полуночи,
От полуночи как до бела свету.

(№ 68)

В эпосе как прием повтора часто фигурирует синонимия отдельных слов, синтагм и предложений: пьяницы, голюшки кабацкие; не охвотою, по неволюшке; порастроньтесь, пораздвиньтесь; умная жона, многоразумная; шукой-рыбою ходить; тугой лук разрывчатый; Да й по утрушку да то ранёхонько, До исход зари да раннёутренней, До выстáванья да красна солнышка (№ 79); Сделали нынъ опочив себе, А й ложились спать во белых шатрах (№ 65). Относительно функции синонимов в былине существуют разные мнения. Так, В. Я. Пропп в статье «Язык былины как средство художественной выразительности» пишет, что главная функция синонимов в былине — «стремление к величайшей точности выражения, к точнейшей дифференцированности в придаваемом словами значении», и, основываясь на этом, он не считает синонимию разновидностью повтора.⁸ Другие исследователи, например А. П. Евгеньева, полагают, что основа синонимических сочетаний — совпадение, а не расхождение их значений,⁹ т. е., что синонимия способствует усилению значения, общего для сино-

⁸ В. Я. Пропп. Язык былины как средство художественной выразительности. Ученые записки Ленингр. гос. унив., № 173, Серия филолог. наук, вып. 20, 1954, стр. 396, 398.

⁹ А. П. Евгеньева. Очерки по языку..., стр. 272, 274.

нимов, однако нередко наблюдается желание сказителя при перечислении синонимов на фоне их общего признака выделить их разные качества. Точка зрения А. П. Евгеньевой представляется убедительной. Синонимия ради подчеркивания одного значения особенно ясна в тех случаях, когда синонимы являются дублетами по отношению друг к другу:

Верой-правдой послужи-тко неизменной,
А й по-старому служи еще, по-прежнему.

(№ 77)

Она стала Добрынюшку покидывать,
Она стала Добрынюшку побрасывать,

(№ 64)

а также в тех случаях, когда один раз признак приводится в его положительной форме, а другой раз — через отрицание его противоположности: маленькая сцапинка, не великая; сытая змея, не голодная. Эта же функция очевидна, когда несинонимичные слова выступают в былине как синонимы:

Из нас некому ехать в Туги-горы,
За твой-то за дочкой за царскою,
За твой-то дочкой княженецкою.

(№ 64)

Все повторы, о которых мы говорили выше, представляют собой лишь часть строки. В качестве малого повтора широко используется повтор и целой строки. Однако точный повтор строки встречается в былине редко. Как правило, используется варьированный повтор, который имеет своей целью внести нечто новое в содержание повторяемой строки. Вариации могут быть самые разные, и их порой трудно проследить, но некоторые общие формы варьирования выделить все же можно. Так характерен повтор двух строк, которые имеют разный конец в виде слов-синонимов, отчего весь повтор воспринимается как одна из разновидностей синонимии:

Будут звать меня как заугольным,
Будут звать меня как беззаконным.

(№ 65)

Характерно повторение двух строк при перечислении, грамматически выраженном однородными членами:

Он велел подать гусли скоморошны,
Он велел подать платья скоморошны,
Он велел подать дубину скоморошную.

(№ 107)

Повтор двух строк может использоваться для выражения противоположных или подчеркнуто разных мыслей:

Уж не твое я ведь ем-пью да ведь кушаю,
И не тебя я буду и слушати.
У кого ем-пью да я кушаю,
Дак того я буду и слушати.

(№ 212)

Я исполнила заповедь женскую,
Я исполню ведь заповедь мужскую.

(№ 65)

Наряду с повторами отдельных звуков, повторами слова, группы слов, а также целой строки в былине есть тяготение к однообразному грамматическому выражению соседних строк, к синтаксическому параллелизму:

А кой стоя стоит, тот и сидя сидит,
А кой сидя сидит, тот и лежа лежит.

(№ 73)

Да й ко тым горам ко сорочинским,
Да й ко тым норам да ко змеиньем.

(№ 79)

Обычно синтаксический параллелизм объединяет строки, связанные друг с другом по содержанию, и служит средством выделения одной мысли из ряда других.¹⁰ Нередко встречаются подряд идущие строки, в которых меняется строй синтаксического параллелизма в связи с переменной мысли в содержании их. В таких случаях синтаксический параллелизм выполняет функцию отделения одного периода повествования от другого:

Не буду есть твоих ествушек сахарных,
Не буду пить твоих питьицев медвяных,
Не буду носить твоей одежи драгоценны,
Не буду держать твоей бессчетной золотой казны,
Не буду служить тебе, собаке царю Калину.
Еще буду служить я за веру за отечество,
А й буду стоять за стольный Киев-град,
А буду стоять за церкви за господни,
А буду стоять за князя за Владимира.

(№ 75)

Синтаксический повтор очень часто сочетается с другими видами малого повтора, а именно с повторением слова в нескольких строках, с синонимией в разных строках. Например:

С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать.

(№ 74)

Уходили-то вси рыбушки во глубоки моря,
Улетали вси птички за оболоки,
Убегали вси звери за темны леса.

(№ 73)

Такое сочетание можно объяснить совпадением функций грамматического повтора и повтора отдельных слов.

Кроме функции выделения из общего повествования строк, наиболее значительных по содержанию, синтаксический повтор принимает активное участие в создании ритма былинного стиха.

¹⁰ В связи с этим заметим, что почти все так называемые *loci communes* имеют форму синтаксического параллелизма, которая является одним из свойств, обеспечивающих возможность перехода типических мест от одного сказителя к другому.

Описание форм малого повтора нам понадобилось для того, чтобы показать следующее:

1) формы малого повтора многообразны (повтор эмфатической частицы, повтор предлога, повтор сочетания звуков в постоянном эпитете и определяемом слове, тавтология, синонимия, анафора, эпифора, повтор двух и более строк, синтаксический параллелизм, рифма);

2) каждая форма малого повтора имеет несколько функций (например, повтор эмфатической частицы служит для создания звукового эффекта, но вместе с тем она является скрепкой строки; это относится и к рифме; повторяющийся предлог представляет собой звуковой повтор, вместе с тем он усиливает значение каждого следующего за ним слова и, кроме того, выделяет всю синтагму, в которой употребляется, и т. д.);

3) почти каждая форма малого повтора имеет ряд традиционных вариантов, в которых одна из функций данной формы повтора проявляется в качестве основной (например, тавтологическое сочетание глагола с деепричастием прежде всего служит усилением значения глагола, тавтологическое сочетание глагола с существительным в винительном падеже прежде всего подчеркивает типическую форму проявления действия, а функции усиления значения глагола и звуковой повтор воспринимаются как второстепенные, и т. д.);

4) соотношение функций варианта формы малого повтора не имеет твердо закрепленного характера, оно может изменяться под влиянием контекста (так, тавтологическое сочетание глагола с существительным в винительном падеже может иметь в качестве основной функции не выражение действия в его общем типическом проявлении, а создание звукового эффекта, если его поместить в ряд однокоренных ему слов).

В силу этих свойств малого повтора сказитель, как нам кажется, располагает безграничными возможностями в проявлении своей индивидуальности, используя традиционные формы малого повтора. Мы попытаемся проследить на примерах творчества отдельных сказителей, каким образом может создаваться индивидуальный стиль языка сказителя.

Посмотрим, как разные сказители относятся к одной форме повтора, например к эмфатической частице. Один сказитель может вовсе исключить ее из своего круга стилистических средств художественной изобразительности. Так, у И. Елисеева мы не найдем эмфатической частицы в качестве повтора. Но сказители И. П. Сивцев, Ф. В. Патрикеев, С. К. Панов, П. А. Федулов, Т. Г. Рябинин пользуются эмфатической частицей широко, употребляя ее в начале строки. Однако это употребление не выглядит у них однообразным: Ф. В. Патрикеев пользуется преимущественно эмфатической частицей *и*, И. П. Сивцев — *да*, С. К. Панов — *а й*, *а*, П. А. Федулов — *уж*, т. е. каждый сказитель с помощью эмфатической частицы дает былине свое особое звуковое оформление. Если мы возьмем для сравнения былины С. К. Панова и былины Т. Г. Рябинина, мы обнаружим следующее. С. К. Панов ставит одну и ту же эмфатическую частицу *а й* почти перед каждой строкой былины, подчеркнуто превращая ее в своеобразный звуковой декорум. У Т. Г. Рябинина иной принцип в употреблении повтора эмфатической частицы. Функция звукового украшения, которая ярко проявилась у С. К. Панова, у него имеет второстепенное значение; очень умеренно употребляя эмфатическую частицу, он прежде всего использует ее для акцентирования отдельных, по его мнению наиболее значительных, моментов повествования:

Ай ты славная дружинишка хоробрая!
То мы съедемся в роздольщи чистом поли

Да у славнаго сыра дуба у Нёвида,
 Да й у славнаго у камня у Латыря,
 Да й на тых мы на дороженках крестовых.
 Тут пошли-то добры мбодцы в свои полаты белокаменны,
 Оне стали добрых конюшков заседлывать.

(№ 80)

О том, что Т. Г. Рябикина эмфатическая частица мало интересует как звуковой повтор, говорит и то, что он в равной мере пользуется сразу несколькими частицами (*а, ай, да, да й, и*), в то время как К. С. Панов постоянно повторяет лишь частицу *а й*. В данном случае мы наблюдаем, как сказитель, выбирая форму повтора частицы, а также самую частицу, использует в качестве основной одну из нескольких функций повтора, наиболее отвечающую его стилистическим задачам.

Проследим, насколько по-разному могут два сказителя пользоваться повтором предлога. Функции повторяющегося предлога как средства художественной изобразительности уже указывались (звуковой эффект, усиление значения последующего слова, выделение в общем всей синтагмы). У пудожских сказителей П. Т. Антонова и Н. Прохорова присутствие трех функций очевидно, однако употребление предлога у того и другого неодинаково. П. Т. Антонов более активно пользуется этим приемом, у него случаев употребления повтора предлога в строке приблизительно в три раза больше, чем у Н. Прохорова. При этом П. Т. Антонов употребляет предлог в определенной синтаксической форме, перед каждым членом строки следующего состава: определение, выраженное притяжательным или указательным местоимением «тот», «та», «тыи» (в подавляющем большинстве наблюдается последнее), определяемое слово, выраженное существительным, и определение, выраженное прилагательным и являющееся постоянным эпитетом для определяемого слова (За тыи за речи за похвальныи; Со тых ли со темниц со темных; От тых от ран от великих; Ко той ли ко кровати ко тисовыи; Ко той ли ко перинушки ко пуховыи; За свою за вину за великую, и т. д.).¹¹ В этой конструкции предлог вместе с первым определением служит тем средством, благодаря которому осуществляется более острое, чем обычно, восприятие предмета в его идеально-типическом качестве. Конструкция подобного вида есть и у других сказителей, так как она в былинном синтаксисе является типическим местом. Однако многократное повторение такого рода конструкций способствует восприятию ее как индивидуальной стилистической особенности языка П. Т. Антонова в былинне, особенно в тех случаях, когда он строит подобным образом несколько строк подряд:

Оглядел ён во чисто полё как тут,
 Во тое во поле во чистоё,
 А ко той ли горы он ко высокои,
 Ко тым лесам ко дремуцим, —
 Под той ли под горою под высокою
 А стоит ведь конь там богатырскии,
 А сидит на кони воин главныи.

(№ 65)

У Н. Прохорова повторяющийся предлог, как мы уже говорили, встречается гораздо реже, нет и определенной системы его использования.

¹¹ Отступление от подобного вида строки обычно заключается в том, что предлог вместо трех раз употреблен два раза (Во тыи во гусли яровчаты; Во тыи во платья каличьи; На тыи на раздольца широкии).

По синтаксическому строю строки, в которых он употребляет предлог, могут быть самыми разнообразными: Со князьями со бояры со русийским; За тыим за славным за синим морем; А у моего у милого у дятка, и т. д. Повтор предлога у Н. Прохорова не отмечен столь яркими чертами индивидуального употребления, как у П. Т. Антонова, у которого повтор предлога получает особое звучание благодаря сочетанию его с другим стилистическим приемом — многократным повторением определенной синтаксической конструкции.

Н. Прохоров — очень талантливый сказитель, имеющий свой оригинальный стиль языка, который выражен чрезвычайно четко. Активное участие в его создании принимают разнообразные формы малого повтора, представляющие вкуче одну систему, цель которой сводится к выделению значения того или иного слова путем подряд идущего, непрерывного повтора его. Чаще всего это осуществляется в форме повтора внутри одной строки:

Ты скажи, скажи, калика, не утай себя.
(№ 48)

А стрелил-то стрелил, да не попал в ёго.
(№ 51)

А из-под дуба, дуба, дуба сыраго.
(№ 53)

Нередко повтор внутри одной строки усиливается употреблением повторяемого слова в предыдущей строке:

А взята у нас Марья Митриёвична,
А взята-то, взята, мы силом да везем.
(№ 51)

А стрелил-то он в цёрного во ворона,
А стрелил-то стрелил, да не попал в ёго.
(№ 51)

Одно и то же слово повторяется в форме подхвата:

А слушать-то брату да меньшому,
А меньшому слушать брата большого.
(№ 47)

А не могу-то я ни есть ни пить,
Ни есть ни пить, не могу больше жива быть.
(№ 52)

При повторе-подхвате употребляется это же слово во второй части строки с подхватом:

Какой у вас невежа поганый был,
Поганый был поганое Идолищо.
(№ 48)

Да забыл он позвать да что лучшаго,
А что лучшаго да лучшаго богатыря!
(№ 47)

Повтор-подхват усиливается синонимом, и в большинстве случаев синонимом-дублетом, во второй строке подхвата:

Как нахлыстал Добрынюшка его тут долюби,
А долюби Добрыня его досыти.

(№ 49)

А не давай-ко ты Иванушку ножища того,
А ножища-то, ножища ты кинжалища.

(№ 51)

Сказитель любит цепочкообразный подхват, где он переходит от повтора одного слова к повтору другого:

Как есть-то, есте Марья лебедь белая,
Лебедушка там белая, дочь царская,
А царская там дочка мудреная,
Мудрена она дочка, бессмертная.

(№ 52)

Н. Прохоров широко пользуется тавтологией и синонимией. Однако он отбирает только те их виды, которые прежде всего служат усилению значения повторяемого слова. Так, из многочисленных тавтологических форм он берет лишь сложное тавтологическое наречие, главное назначение которого — функция усиления: скорым-скоро, раным-ранешенько, легким-легко, далечим-далеко и т. д. Нам встретился лишь один случай в былинном репертуаре Н. Прохорова, когда он воспользовался такой тавтологической формой, которая грамматически призвана прежде всего выражать действие в его наиболее общем значении, а функция усиления значения повторяемого слова ослаблена: это — сочетание глагола-сказуемого с существительным-дополнением в винительном падеже — «думайте думу». Однако сказитель дает это сочетание в таком окружении, что второстепенная функция становится первостепенной: он трижды повторяет это тавтологическое сочетание, причем в двух случаях он разделяет его обращением, отчего связь слов в сочетании ослабевает, а затем добавляет еще однородный глагол, и таким образом получается усиление значения глагола:

А думайте-тко, братцы, вы нунь думушку,
А думайте-тко, братцы, думу крепкую,
А думайте думу, не продумайте.

(№ 47)

Синонимические же сочетания, как мы уже отмечали, в большинстве своем состоят из синонимов-дублетов: крестовый братец названны; нунечку топеречку; к гостю к купцю, и т. д.

Итак, в былинах Н. Прохорова мы имеем дело со строго направленным использованием форм малого повтора, преследующим цель усиления значения слова. Эту особенность стиля сказителя сопровождает другая — звуковой эффект, который возникает в результате частого повтора одного слова без изменения или однокоренных слов. Вот один из примеров насыщенности былины различными звуковыми повторами:

А там-то есть три чудушка, три чудных,
Там-то есть три дивушка, три дивных,
Как первое там чудо белым-бело,
А другое-то чудо красным-красно,
А третьё-то чудо черным-черно.

(№ 49)

У другого сказителя, С. К. Панова, малый повтор также является господствующим стилистическим приемом, и в использовании его мы тоже наблюдаем определенное направление, но несколько иное, чем у Н. Прохорова. Записано от него две былины: «Илья Муромец» (№ 220; сюжет былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник») и «Добрыня и Алеша» (№ 211). К сожалению, вторая былина записана как отрывок, хотя она пелась сказителем полностью. А. Ф. Гильфердинг так поступил потому, что ему показалось, будто начало и конец былины совершенно сходны с былиной того же сюжета в исполнении Т. И. Суханова (№ 206). Собираетел не обратил внимания на стиль языка того и другого сказителя, он имел в виду лишь сходство сюжетных деталей. В действительности же стилистическая манера этих сказителей совершенно различна. Тексты С. К. Панова — сгусток разнообразных повторов в пределах двух-четырех строк, чего нет в былинах Т. И. Суханова. С. К. Панов стремится как можно полнее, подробнее показать каждый предмет, каждое действие в былине. И если Н. Прохоров отбирает такие варианты форм повтора и создает такие сочетания их, которые только выделяют значение одного слова, то С. К. Панов наряду с повторами в виде синонимической пары, где выделяется одно значение синонимов (не побиться мне, не пораниться; не спрашивался, не доведывался; с горюшка да с досадушки; со страсти со ужаста; удаленькой да упаленькой, и т. д.), в большом количестве пользуется такими вариантами форм малого повтора, которые дополняют, уточняют, дифференцируют качества предмета или однородные действия, а именно:

повтором строки с соответствующими функциями:

Приезжайте вслед во Киев-град,
А приезжайте вы во Киев-град на прощеньицо;
(№ 210)

синонимическими предложениями:

А й у ворот крепки стóрожи да поставлены,
А й стоят сильнии да могучии да богатыри;
(№ 210)

синонимическими распространенными однородными членами предложения:

А й только нынь как на той пути на богатырской,
А й как на той дорожки прямоезжей.
(№ 210)

Обилие такого рода повторов с преимуществом синонимических сочетаний двух слов в одной строке создает неповторимый колорит былины.

Анализ употреблений малого повтора в былинах нескольких сказителей показывает, что у каждого сказителя есть свой подход в его использовании, который выражается в выборе определенной формы повтора, а также традиционного варианта формы повтора. Поскольку каждая форма повтора имеет несколько традиционных вариантов, а они в свою очередь обладают несколькими функциями, взаимоотношения которых могут меняться в зависимости от контекста, сказитель располагает огромными возможностями в выражении индивидуальности стиля своего языка в былине, не выходя за рамки традиционности. Если же учесть, что сказитель пользуется целым комплексом разнообразных средств художественной изобразительности, эти возможности безгранично увеличиваются.

В этой связи представляются малоубедительными высказывания некоторых исследователей, в частности И. А. Оссовецкого, о том, что при сопоставлении вариантов «одинаковой сохранности и одинаковой художественной ценности трудно заметить, какими выразительными средствами языка один вариант отличается от другого».¹²

Вопрос об индивидуальном стиле исполнения былины тесно связан с вопросом «школ» сказителей, и оба они не могут быть решены без взаимного учета. Совместное изучение этих вопросов должно показать, как индивидуальное, созданное традиционными средствами, в свою очередь порождает новую традицию.

---

¹² И. А. Оссовецкий. Об изучении языка русского фольклора. Вопросы языкознания, 1952, № 3, стр. 99. Но эту мысль автор высказывает осторожно, ссылаясь на то, что индивидуальные стили сказителей и певцов почти не изучены.